

ИЗ ИСТОРИИ НАГРАЖДЕНИЯ
КРЕСТЬЯНСКИХ ПАРТИЗАН 1812 г.

В. В. Бартошевич

При изучении Отечественной войны 1812 г. нумизматический материал мало привлекался. Между тем исследование этого материала, особенно наградного, при условии привлечения широкого круга письменных источников может иметь серьезное вспомогательное значение. Это относится, в частности, и к освещению центральной исследовательской проблемы войны 1812 г. — всестороннему раскрытию участия в ней народных масс.

В настоящей статье рассматривается история наградной медали «За любовь к отечеству». Изучение этой истории дает некоторые дополнительные данные об участниках крестьянского партизанского движения и противоречивом отношении к этому движению правящих кругов России.

*

Медаль «За любовь к отечеству» известна давно. Напомним, что на лицевой ее стороне помещено погрудное, вправо обращенное профильное изображение Александра I и дуговая надпись: «Александръ I. Имп. Всеросс.», на оборотной стороне внутри дубового венка, перевитого сверху и снизу лентами, надпись в пять строк: «За любовь къ Отечеству 1812». Подлинники — в серебро, диаметр 28 мм, сверху ушко для ношения.

Относительно предназначения этой награды и ее фактического использования в нумизматической литературе сложилось вполне однозначное мнение. Уже в «Собрании русских медалей», изданном в 1840—1846 гг. Археографической комиссией, было указано: «Раздавалась бывшим в ополчении 1812 года»¹. В дальнейшем тезис о награждении ею участников народного ополчения, или, как его называли еще, Земского войска 1812 г., с несущественными разночтениями прослеживается в работах Д. П. Струкова², В. П. Смирнова³, В. А. Ашика⁴, И. М. Холодковского и П. Н. Годлевского⁵, а также в работах ряда зарубежных авторов, в частности В. Г. Рухтера⁶ и Е. Молло⁷. Из советских нумизматов наиболее

подробно о рассматриваемой медали писал А. П. Лунин. В статье, опубликованной к 150-летию Отечественной войны, говоря о факте ее учреждения, автор замечает, что она была «последней из наград 1812 г.», предназначалась «для строевых чинов Земского войска» и «носила на Андреевской ленте»⁸.

Усомниться в правильности этого традиционного взгляда автора данной статьи заставили следующие обстоятельства.

Медаль «За любовь к Отечеству. 1812».

1. В положениях об ополчениях 1812 г. объявлялось об учреждении медали для отличившихся в боях нижних чинов и даже указывалось, что награжденным ею будут выплачиваться пожизненные пенсии⁹, однако никаких сведений о том, что такая награда действительно существовала и что ею была медаль «За любовь к отечеству» в опубликованных документах и исследованиях об истории ополчений 1812 г., как и в мемуарной литературе, обнаружить не удалось¹⁰. Не мог не настораживать и тот факт, что крупнейший знаток истории обмундирования, вооружения и наград русской армии А. В. Висковатов, характеризуя 12 воинских наград эпохи Александра I, в том числе и ополченскую медаль 1807 г., медаль «За любовь к отечеству» в свой перечень не включил¹¹.

2. Медаль «За любовь к отечеству» чрезвычайно редка. Насколько удалось выловить, в подлинниках ее имеют лишь Государственный Исторический музей в Москве¹² и Государственный Эрмитаж¹³, в то время как другие награды за войну 1812 г. часто встречаются не только в музейных собраниях, где они представлены иногда десятками и даже сотнями экземпляров, но и в частных коллекциях. Если привить во внимание, что в парадном ополчении 1812 г. было более 400 тыс. человек, большая часть которых принимала непосредственное участие в боевых действиях, столь боль-

шая редкость награды, специально учрежденной для ополченцев, представляется необъяснимой загадкой.

Обращение к архивным материалам и изучение периодической печати 1812—1813 гг. позволило установить, что в действительности медаль эта никакого отношения к награждению ополченцев не имела. Вместе с тем выяснилась ее подлинная история.

*

Отношение господствующего класса к крестьянскому партизанскому движению — одному из ярчайших проявлений народного характера Отечественной войны 1812 г. — было противоречивым. Не менее противоречивым оказалось и его отношение к награждению участников этого движения.

Командование армии, прежде всего в лице М. И. Кутузова, лучше и глубже других понимавшего характер войны и с учетом этого строившего свои стратегические планы, считало, что при сохранении решающей роли регулярных войск, подкрепляемых ополчениями, важную роль в разгроме врага должны сыграть также народные партизанские силы. Исходя из этого, главнокомандующий, многие боевые генералы и офицеры, особенно из числа войсковых партизан, принимали разнообразные меры, чтобы развязать стихию народной борьбы с оккупантами. К числу таких мер Кутузов относил, в частности, популяризацию методов и результатов народной войны в печати и оперативное награждение отличившихся партизан. Используя свою власть, он немедленно награждал тех крестьян и мещан, о подвигах которых ему докладывали¹⁴. Вместе с тем понятно, что такие награждения не могли быть многочисленными, поскольку получаемая непосредственно в ходе боевых действий информация касалась больше результатов патриотической самодеятельности народа, чем имен отличившихся¹⁵. В период же контрнаступления, когда партизанская активность достигла высшего развития, Главная квартира, находясь в постоянных передвижениях, вообще не имела возможности вести сколько-нибудь планомерную работу по выявлению отличившихся в войсковых партизан. Для позиции Кутузова характерно, однако, что он пытался привлечь к этому вопросу внимание Александра I. Так, 24 октября фельдмаршал направил императору специальное донесение о партизанских действиях крестьян Московской и Калужской губерний. Указывая в нем, что «многие тысячи неприятеля истреблены крестьянами», главнокомандующий писал: «Подвиги сии... велики, многочисленны и восхитительны духу россиянина». Он просил царя публично одобрить действия населения этих губерний и тем самым «возбудить подобное соревнование в жителях прочих наших губерний»¹⁶.

Александр I и его окружение не могли, конечно, не понимать, что исход войны в огромной степени зависит от участия в ней народных масс. Поэтому в царских манифестах все сословия призывались к единодушной борьбе с врагом. Но, видя в стихийном вооружении народа опасность для самодержавно-крепостнического строя, правительственные верхи всеми силами старались ограничить развитие народной инициативы строго контролируруемыми рамками. В связи с этим интересы национально-освободительной борьбы приносились часто в жертву узко классовым полицейско-охранительным соображениям. Активное самодеятельное участие народа в боевых действиях таило в себе, с точки зрения правящих кругов, опасность того, что осознание крестьянством своей роли в освобождении страны неизбежно должно было способствовать развитию у них чувств гражданственности и собственного достоинства, несовместимых с их бесправным положением. Поэтому действия крестьянских партизан старались не предавать широкой огласке; если в изданиях походной типографии Главной квартиры эти действия прославлялись, то в столичных газетах и журналах сведения о них из официальных сообщений о ходе боевых действий систематически изымались — подчас по личному указанию императора¹⁷.

Стремление к замалчиванию успехов народного партизанского движения определило отношение Александра I и к награждению отличившихся крестьян. Из-за сугубой деликатности вопроса правительственные взгляды ни в каких документах, разумеется, четко не формулировались. Судить о политике правительства в этом вопросе можно поэтому только по его практическим действиям. В этой связи следует обратить внимание прежде всего на тот факт, что ни самим Александром I, ни какими бы то ни было правительственными органами как в ходе войны, так и после ее окончания не было дано никаких указаний о выявлении народных героев и представлении их к награждению. Это имело определяющее значение, потому что народные партизанские силы в отличие от армии и ополчений не вели учета своих боевых действий и не имели в своей среде никого, кто мог бы представлять к наградам. Что же касалось губернских и уездных властей, то можно было заранее предвидеть, что без ясных указаний о том, к каким именно наградам можно представлять крестьян и кто должен этим заниматься, широкой инициативы проявлено не будет.

Вопрос усложнялся тем, что указанными двумя подходами к награждению крестьян дело не ограничилось. С приближением войны к победоносному концу и особенно после ее окончания с советами и просьбами отметить заслуги народных партизан к Александру I стали обращаться видные представители самых реакционных кругов дворянства, близкие к правительству, но не понимавшие или не разделявшие его подхода. Они исходили из того, что если

представить подвиги крепостных крестьян, как проявление всенародной любви к священной особе императора и выражение единства престола, дворянства и народных масс, то хорошо разрекламированные монаршие милости послужат укреплению самодержавно-помещичьей власти и предотвращению социальных смут.

Объективно сторонники этой точки зрения предлагали использовать народный героизм, чтобы стимулировать развитие царистских иллюзий и других консервативных черт патриархальной крестьянской психологии. Показательна в этом отношении записка, направленная Александру I 18 октября 1812 г. генерал-адъютантом Ф. П. Уваровым. Пользуясь особым расположением императора, Уваров изложил свое мнение с солдатской прямоотой. Отметив, что «враг рода человеческого» оставил Москву, он советует «копым воспользоваться»: «...не теряя ни мало времени, возбудить еще более умы и сердца твоих подданных, показав им всю справедливость и чувства к их подвигам; а между тем оное будет и новым оружием против того яда, который, со вступлением врагов в Москву, излиться на всю империю готовился».

Итак, если продемонстрировать народу царские милости, то это будет «новым оружием» против тех социальных потрясений, которые ожидались в связи с вражеским нашествием и страх перед которыми отнюдь не прошел с началом изгнания врага. Далее автор записки паивно замечает: «Я полагаю, что ваше величество о всех таковых народных подвигах к защите веры, к любви государя, к спасению отечества, конечно, уже извещены, но не могу надвинуться, как сие не обнаружено по всей России». И он вновь настоятельно советует: «...пужно оным пользоваться и, не теряя времени, опровергнуть все зло готовящееся. Вот то время, как мне кажется, что вам, государь, следует оказать свою признательность дворянству и народу, объясня, сколь сильно единодушные, ими оказанное... Таковая твоя, государь, признательность к дворянам, к народу... облизит тебя, государь, еще более с твоими подданными. А таковые струны к защите отечества натягивать необходимо...»¹⁸.

Для Александра I Уваров никогда не был, конечно, авторитетным политическим советчиком, но в данном случае он выражал мнение ряда влиятельных представителей консервативного дворянства, которое заслуживало внимания. Не мог император открыто пренебречь и официальными допесениями Кутузова. Формальным ответом и Кутузову и сторонникам точки зрения, изложенной Уваровым, послужил манифест от 3 ноября 1812 г., в котором в самой общей форме изъявлялась благодарность богу, войскам русским, «знаменитому дворянству», «почтенному купечеству», и, наконец, «верному народу» — мещанам и крестьянам. «Из допесений главнокомандующего и других генералов, — говорилось в нем, — с сердечным удовольствием видели мы, что во многих губерниях, а особливо в Московской и Калужской, послышав сами собой ополчались,

избирали из себя предводителей, и не только никакими прельщениями врагов не были уловлены, но с мученической твердостью претерпевали все наносимые ими удары». После пересказа нескольких фраз из донесения Кутузова от 24 октября следовало: «Почитаем за долг и обязанность сим нашим всенародным объявлением изъяснить пред целым светом благодарность нашу и отдать должную справедливость храброму, верному и благочестивому народу российскому»¹⁹. По сути дела манифест от 3 ноября в завуалированной форме выражал тот взгляд, который позже, в манифесте от 30 августа 1814 г., будет лаконично выражен словами, приобретшими печальную известность: «Крестьяне, верный наш народ, да получают мзду свою от бога». В нем не только ничего не говорилось об освобождении от крепостной зависимости, на что надеялись крестьяне, но и вообще не было пожаловано или хотя бы обещано народу каких-либо «милостей», пусть даже по частным и второстепенным вопросам.

Однако вопрос о награждении какими-нибудь знаками некоторых из наиболее отличившихся крестьянских партизан манифестом от 3 ноября 1812 г. снят не был. Еще до, а особенно после его появления сведения об успехах народной войны независимо от желания правительства стали приобретать широкую известность. В конце 1812 г. краткие заметки о действиях крестьян все чаще помещаются в органах периодической печати различной политической окраски — в «Сыне отечества», «Северной почте» и других изданиях, а с января 1813 г. по материалам, переданным Ф. В. Ростопчиным, обстоятельные статьи о крестьянских партизанах Московской губернии начал печатать один из самых консервативных журналов того времени — «Русский вестник»²⁰. Подвиги крестьян подавались издателем «Русского вестника» С. Н. Глинкой, как проявление верноподданнических и религиозных чувств народа, но вместе с тем в публикуемых статьях относительно подробно описывались эпизоды партизанской войны в Подмоскovie и назывались имена отличившихся партизан. Примерно в это же время начинают выпускаться и пользуются огромным успехом теребеневские, венециановские и анонимные сатирические листы, значительная часть которых была посвящена прославлению крестьянских подвигов.

В этой обстановке даже и при отсутствии правительственных указаний к Александру I стали все же поступать единичные ходатайства о награждении некоторых отличившихся крестьян. Понятно, что запретить делать такие представления или оставлять их без внимания император не мог. В связи с этим возник вопрос о том, чем же конкретно жаловать представляемых, поскольку никаких наград, установленных специально для крестьян, не существовало.

Но политическую остроту вопрос этот приобрел, по-видимому, не сразу. Пока речь шла о небольшом числе представленных, Алек-

сандр I не испытывал, очевидно, особого беспокойства и потому приказывал обычно отметить крестьянских партизан солдатской наградой — знаком отличия Военного ордена²¹. Самым крупным из таких награждений в ходе войны было пожалование в конце 1812 г. знака отличия Военного ордена 10 партизанам Сычевского уезда Смоленской губернии. Представление было сделано зятем царя, прищем Г. Ольденбургским, по рапорту сычевского предводителя дворянства Н. М. Нахимова, который заверял, что все партизанское движение в уезде находилось под его непосредственным контролем и руководством, явно стараясь этим обратить внимание на собственные заслуги. Примечательно, что Нахимов и его ближайший помощник земский исправник Е. Богуславский получили ордена, а среди представленных и награжденных партизан не было ни одного простого крестьянина (четверо являлись господскими бурмистрами, трое старостами и пр.)²².

Однако в начале 1813 г. от графа Ф. В. Ростопчина поступило представление, которое не могло не показаться императору из ряда вон выходящим: московский главнокомандующий ходатайствовал о награждении сразу 50 крестьянских партизан, значительную часть которых составляли простые мужики «от сохи», при этом самостоятельные отряды, в состав которых входили представляемые, действовали против неприятеля чаще всего совершенно самостоятельно, без всякого дворянского руководства, в связи с чем часть партизан была выделена как «начальствовавшие»²³. Игнорировать это представление было невозможно, особенно если учесть, что имена отличившихся крестьян и описание их подвигов Ростопчин передал уже в «Русский вестник» как «примерные деяния веры и верности». Но и пожаловать всем представляемым знак отличия Военного ордена Александр I считал невозможным. Нетрудно понять, почему. Дело состояло не в том, конечно, что заслуги представленных партизан были неодинаковыми, и поэтому польза было всем им давать одинаковые награды: подвиги солдат и унтер-офицеров тоже ведь бывали разными, однако единственной наградой для них был «солдатский Георгий». Суть вопроса заключалась в том, что имеющие знак отличия Военного ордена получали некоторые льготы, делавшие эту награду особо почитаемой и популярной.

Важнейшими из них были две. Согласно первой — на одну треть увеличивалось жалованье, а после отставки добавка превращалась в пожизненную пенсию. Применительно к крестьянам этот вопрос решался просто: поскольку никакого жалованья за свою партизанскую деятельность они не получали, то и никаких пенсий им не положено. Но сложное обстояло дело со второй льготой, по которой награжденный не мог быть подвергнут телесному наказанию. Это преимущество не гарантировано, правда, награжденным нижним чинам избавление от «бытовых» пощечин и зуботычин, но во вся-

ком случае их нельзя было подвергать публичной экзекуции, для этого требовалось решение военного суда о лишении награды. Не желено было бы объявить, что эта льгота на крестьян не распространяется. Но, с другой стороны, не мог же император запретить помещикам пороть своих крестьян. Между тем применение душевладельцами телесных наказаний к имеющим этот почетный знак неизбежно порождало бы возмущение как среди крестьян, так и — в случаях огласки — среди либерально настроенного дворянства. Именно поэтому, надо полагать, крепостным-ополченцам в предвидении их возвращения после войны в «первобытное состояние» знак отличия Военного ордена давался весьма скупо. В полном мере эта неприятная проблема возникла и при рассмотрении инициативы Ростоचना, поскольку число и состав представленных им к награждению крестьян, по мнению Александра I, выходили за пределы разумного.

В связи с этим создавалась ситуация, требующая какого-то особого подхода. Если признано было невозможным наградить всех представленных солдатским знаком отличия, то возможное решение состояло, казалось бы, в учреждении для крестьянских партизан какой-нибудь специальной скромной награды. Однако объявление о ее создании неминуемо стимулировало бы появление новых и, возможно, многочисленных представлений, а массовое награждение крепостных в какой бы то ни было форме никак не входило в намерения правительства. Другое возможное решение, позволявшее избежать широких награждений, заключалось в том, чтобы использовать существовавшую практику персонального награждения недворян шейными медалями, которые не имели определенного статуса. Но такие медали жаловались обычно кушцам, промышленникам или мелким чиновникам, крестьянам же в исключительных случаях и в строго индивидуальном порядке, а никак не целым группам. Отказались поэтому и от этого варианта. В итоге по представлению Ростоचना было принято хитрое решение, которое и повлекло за собой появление медали «За любовь к отечеству».

Попробуем разобраться в мотивах, которыми руководствовался Ф. В. Росточин, делая свое представление. В общем плане московский главнокомандующий исходил, конечно, из тех же соображений, что и Ф. П. Уваров. Но если подход Уварова к этому вопросу был чисто умозрительным, то у Ростоचना были и вполне конкретные причины, заставившие его пойти на такой шаг. По своим политическим взглядам он был, как известно, не просто консервативом, но реакционером самого крайнего толка. Панически боясь царских возмущений и революционных потрясений, Росточин с маниакальной настойчивостью из года в год предупреждал царя о возможных бунтах и гибели самодержавно-дворянского строя, подозревая, кажется, и самого самодержца в попуститель-

стве революционной заразы. Своей особой заслугой в войне 1812 г. он считал то, что «сохранил Москву до 2 сентября в тишине и охранил государство от семян бунта...»²⁴ С. Н. Глинка, его единомышленник и почитатель, вспоминал, что на сделанное им предложение вооружить крестьянские дружины, которые могли бы «сильно тревожить Наполеона», московский главнокомандующий откровенно ответил: «Мы еще не знаем, как повернется русский народ»²⁵.

Забота о том, чтобы русский народ не повернулся против феодално-помещичьего строя, стала определять всю деятельность Ростоचना и после возвращения его в освобожденную Москву.

В губернии в это время было неспокойно. Вернувшиеся на свои пепелища крестьяне голодали, значительная часть их превратилась в бездомных нищих²⁶. Многие помещики не торопились появляться в своих подмосковных имениях, отсиживаясь, как признавал сам Росточин, «в тех местах, куда их загнал страх»²⁷, а армия с каждым днем все дальше уходила на запад. Государственная и помещичья власть оказалась, таким образом, временно ослабленной. Между тем надежды крестьян на получение воли начинали постепенно рассеиваться, и настроение народа все чаще давало о себе знать разгромом барских усадеб. Поначалу Росточин надеялся быстро навести порядок испытанными методами устрашения и подавления. 20 октября появилась его угрожающая афиша: «Крестьянам Московской губернии. — По возвращении моем в Москву узнал я, что вы... вздумали грабить дома господ своих по деревням и выходить из послушания. Уже многих зачинщиков привезли сюда. Неужели вам хочется понасть в беду?.. Бонапарта не слушались, а теперь слушаетесь какого-нибудь домашнего вора. Ведь опять и капитан-исправники и заседатели везде есть на месте. Гей, ребята! Живите смирно, да честно...»²⁸.

Через неделю после опубликования этой листовки, 27 октября, он сообщил главнокомандующему в Петербурге С. К. Вязмитинову: «Пребывая в столице, в губернии Московской, французских войск поселило во многих местах буйство и непослушание; но я надеюсь в скором времени привести все в порядок способом земской полиции и уральских казаков»²⁹. В тот же день он писал жене: «Мужики начинают опустошения: так как грабить нечего, они жгут... По счастью, у меня есть казаки, чтобы образумить их, и я надеюсь, что порядок будет скоро восстановлен»³⁰. Но очень быстро Росточин пришел к выводу, что обстановка слишком серьезна, чтобы можно было спокойно уповать только на «способ земской полиции и казаков», что нужны также какие-то другие, более гибкие меры, и он начинает даже обвинять правительство в непонимании этого. «Петербургские господа не понимают, — пишет он жене 1 ноября, — что именно теперь надо постараться утишить кипение народа, заставить его снова войти в круг своих

обязанностей. Невозможно, чтобы часть народа бескопечно занималась только грабежами и убийствами»³¹. Московский главнокомандующий собирался выехать в Петербург, чтобы получить от Александра I «более подробно указания, как действовать», заявляя, что не хочет «более ничего... принимать на свою ответственность»³². Поездка не состоялась, так как император выехал вскоре к армии.

Между тем обстановка в глазах Ростопчина становилась все более «взрывоопасной», при этом наибольшее беспокойство вызывают у него бывшие партизаны. «Умы сделались весьма дерзки и без уважения, — жалуется он министру полиции в феврале 1813 г. — Собственность не почитается, а привычка быть неприятелем преобразила большую часть поселян в разбойников»³³. В стремлении «утишить кипение народа» Ростопчин и решил предпринять ряд мер, которые должны были создать видимость, будто заслуги крестьянства в войне официальными властями и признаются и почитаются. Следует полагать, что к этому его доподлинительно побуждали и обстоятельства чисто личного свойства: по свидетельству П. А. Вяземского, «при возвращении его в Москву, освобожденную от неприятеля, и когда мало-помалу начали съезжаться выехавшие из нее, общественное мнение оказалось к Ростопчину враждебным... разлад между Ростопчиным и Москвою доходил до высшей степени»³⁴. Справедливость этого свидетельства подтверждается рядом других показаний³⁵, да и сам Ростопчин в середине ноября 1812 г. сетовал, что от Москвы он, «кроме ругательства, клеветы и мерзости, ничего в награду не получил...»³⁶. Пытаясь оправдаться и восстановить утраченную популярность, он старался теперь представить себя в качестве инициатора и вдохновителя пародной войны. Но для этого нужно было показать, как народ вверенной ему губернии боролся с врагом. В этом заключалась, очевидно, еще одна причина нескольких демагогических жестов, сделанных им по отношению к крестьянству, которые, в частности, выразились в передаче материалов о подвигах подмосковных партизан в «Русский вестник» и в представлении 50 человек к награждению.

Решение Александра I было изложено в отношении, отправленном 9 февраля 1813 г. из местечка Конин в княжестве Варшавском, где ненадолго остановилась императорская квартира, министром полиции А. Д. Балашовым министру финансов Д. А. Гурьеву. «Государь император по дошедшему до его величества сведению о храбрых и похвальных поступках поселян Московской губернии, ополчавшихся единодушно и мужественно целыми селениями против посылаемых от неприятеля для грабежа и зажигательства партий, высочайше повелеть соизволил начальствовавших из них отличать георгиевским пятой степени знаком, а прочих серебряною на Владимирской ленте медалью с надписью «За любовь к

отечеству»». Балашов далее сообщал, что согласно воле царя медали должны быть «сделаны величиною в полуполтинник» и что их, как и георгиевские знаки, следует отправить Ростопчину³⁷.

К отношению приложен был скрепленный подписью Балашова список, включающий 23 человека, награждаемых знаком отличия Военного ордена (георгиевским знаком пятой степени) и 27 человек, награждаемых медалью «За любовь к отечеству»³⁸.

Первое, что обращает на себя внимание в решении Александра I, это то, что медаль «За любовь к отечеству» не учреждалась как награда для всех или особо отличившихся крестьянских партизан Отечественной войны; награждение ею было оформлено как разовое «всемилостивейшее высочайшее пожалование» группе помещиков назвавшихся крестьян Московской губернии. О причинах этого уже говорилось: учреждение медали с определенным статутом неизбежно повлекло бы за собой массовое награждение крепостных.

Не менее примечательно указание, что медали должны быть сделаны «величиною в полуполтинник». Чтобы понять смысл этой «высочайшей воли», следует иметь в виду, что ко времени Отечественной войны 1812 г. достаточно отчетливо стал определяться типовой размер наградной серебряной медали за военные подвиги. Диаметр такой стандартной медали равнялся 28 мм. Именно такого размера были медали «За веру и отечество. Земскому войску» (1807 г.), «За проход в Швецию через Торнео» (1809 г.), «За переход на шведский берег» (1809 г.), учреждавшаяся в феврале 1813 г. медаль для участников Отечественной войны, позднее медаль «За взятие Парижа» и многие другие. Отступления от этого стандарта бывали, но только в сторону увеличения (например, медаль 1810 г. «За отличие при взятии приступом Базарджика» имела диаметр 34 мм). Мопета же достоинством в полуполтинник, выпускавшаяся до 1810 г., представляла собой тоненький серебряный кружок диаметром 23 мм. Требование Александра I, чтобы медали изготовили именно такого размера, было, разумеется, не случайным: уменьшенный размер награды должен был подчеркнуть второстепенное значение самостоятельных крестьянских отрядов.

Отношение к награждаемым крестьянам проявилось и в указании отправить изготовленные знаки отличия Военного ордена вместе с медалями непосредственно Ростопчину. Дело в том, что с 1809 г. были установлены и строго выполнялись правила, по которым все знаки отличия Военного ордена изготавливались с номерами и обязательно проходили через Капитул российских орденов, где сначала регистрировались сами знаки, а затем против каждого зарегистрированного знака делалась запись о том, кто именно им награжден. Указание послать знаки прямо Ростопчину означало, что в данном случае регистрации в Капитуле не будет,

а из этого следовало, что для крестьян можно послать отмеченные знаки без номеров. Как будет показано дальше, именно так это указание и было понято.

Характерна также данная в отношении Балашова общая оценка крестьянского партизанского движения, повторяющая, очевидно, формулировку в представлении Ростопчина, но вместе с тем выражающая официальную точку зрения правительства. Значение народной войны ограничено в ней борьбой «против посылаемых от неприятеля для грабежа и зажигательства партий». Стремление приуменьшить военное значение массовых народных выступлений, представить их только как самооборону своих жилищ и селений здесь совершенно очевидно, особенно если учесть, что в числе награждаемых были такие прославленные руководители крупных партизанских отрядов, как Герасим Курин, Егор Стулов и др.

В начале марта 1813 г. отношение Балашова и списки награждаемых были получены Гурьевым и с его резолюцией об исполнении переданы в Департамент горных и соляных дел, которому непосредственно подчинился в то время Монетный двор. Однако для директора департамента А. Ф. Дерябина приказание чекавить наградные медали такого необычного размера показалось столь странным, что он осмелился 6 марта представить министру финансов докладную записку, почтительно доказывая в ней несообразность этого распоряжения. Дерябин писал, что для изготовления серебряных медалей такого размера «штемпелей на Монетном дворе не имеется, и сверх того самые медали в величину полуполтинника будут весьма тонки». Он предлагал «сделать медали сии по штемпелям для земского войска приготовленным, переменить только на одной стороне надпись»³⁹, т. е. изготовить медали обычного размера⁴⁰.

«Доводы Дерябина не произвели бы на Гурьева никакого впечатления, сооразил он, что они противоречат желанию императора, ибо этот опытный царедворец, про которого Ростопчин писал, что он «всем жертвует своему желанию удержаться в милости», нуще всего боялся чем-либо не угодить монаршей воле. Однако на докладной записке появилась его резолюция: «Исполнить». Объяснение этому может быть только одно: он просто не понял скрытого смысла указания Александра I и изготовлением более «добротных», чем было предписано, медалей думал выполнить царское повеление наилучшим образом. Только благодаря этому курьезному недоразумению Монетный двор стал готовить для крестьян медали обычного размера.

8 марта предписание изготовить необходимое количество знаков отличия Военного ордена и медалей Дерябин направил вардейну (начальнику) Петербургского Монетного двора Е. И. Еллерсу⁴¹. Обнаруженные документы раскрывают далее некоторые по-

дробности работ по созданию медалей на Монетном дворе, которые продолжались более месяца⁴².

11 апреля 1813 г. вардейн Еллерс вместе с соответствующим донесением отправил в Департамент горных и соляных дел 27 медалей и 23 знака отличия Военного ордена, указав, что медали на Монетном дворе изготовлены, а знаки отличия «взяты из таковых, имеющихся налицо без номеров»⁴³. 27 апреля Гурьев подписал отношение на имя Ростопчина, с которым эти награды отправили в Москву⁴⁴.

Бручение наград было произведено Ростопчиным в Москве 25 мая 1813 г., о чем он сообщил в очередном письме Балашову⁴⁵.

31 мая 1813 г. в «Московских ведомостях» появилось описание церемонии награждения⁴⁶. Как и следовало ожидать, Ростопчин — «человек в высокой степени неискренний, любивший позировать и оригинальничать», придававший «каждому своему действию, каждому своему выступлению... пышную внешнюю инсценировку»⁴⁷ — сумел превратить церемонию награждения в тщательно продуманный и хорошо подготовленный спектакль, отведя в нем награждаемым роль статистов, олицетворяющих трогательную любовь народа к царю и «начальству». Сначала крестьян собрали в губернском правлении. Там после объявления царского указа о награждении московский главнокомандующий вручил им кресты и медали, а гражданский губернатор Н. В. Обрезков — наградные грамоты, «на коих изображен в лавровом венке крест и вензель государя императора с надписью «За веру и царя»». После этого награжденных повели в дом Ростопчина, где хозяин «сказал им нравоучительную речь» и угостил завтраком, на котором предлагались тосты «за здоровье его императорского величества и августейшего его дома». При этом получившим знаки отличия Военного ордена сиятельный граф подарил «синие бархатные шапки, на коих вышиты золотом слова: «За бога и царя», а награжденным медалями — «синие тонкого сукна шапки с вышитым золотом же крестом и вензелем государя императора». Затем последовала эффектная процессия: генерал-губернатор простествовал с награжденными в приходскую церковь на Лубянке и там при стечении множества зрителей, как с умилением сообщает автор инсценированной Ростопчиным заметки, «со свойственным им благоговением, почитая в счастливой простоте души своей выше всего власть начальства, поставленную от бога... отпели они с коленопреклонением благодарственный молебен творцу...»

Из заметки «Московских ведомостей» можно было понять, что знаки отличия Военного ордена вручены 23, а медали — 27 человекам. Но это не соответствовало действительности: 21 июля Ростопчин отправил Гурьеву один знак отличия и две медали, сообщив, что возвращает награды, «пожалованные трем крестьянам здешней губернии, которые умерли прежде, нежели оные знаки

были приславы»⁴⁸. Назвать имена умерших он, разумеется, счесть излишним. По указанию Гурьева, директор Департамента горных и соляных дел отослал эти награды вардейну Монетного двора «для переделки»⁴⁹.

В «Русском вестнике» и «Русском инвалиде» была напечатана «нравоучительная речь» Ростопчина перед награжденными⁵⁰. Московский главнокомандующий невольно раскрыл в ней замысел произведенного награждения и те надежды, которые возлагались им на эту акцию: «Православные богатыри русские! Вы, братцы, не устали врага лютого; вооружились, перекрестясь, и стали бить силу нечестивую; очистили от нее любезную родину. О делах ваших и представил отцу нашему государю императору: он вас жалует своею милостию... После такой царской милости молитесь о здравии его: научайте доброму детей, родню и товарищей; повинуйтесь начальству и помещикам: они вас охраняют. Не хвастайтесь тем, что сделали вы: бог вам в том помог... Твердите, братцы, говорите и помните одно: за богом молитва, а за царем служба никогда не пропадают».

В увещательном тоне речи, призыве повиноваться «начальству и помещикам», смирить гордыню и не вздумать «хвастаться» своими подвигами явно отразился тот страх перед собственным народом, который испытывали во время и сразу после окончания войны не только Ростопчин, но и многие другие представители самодержавно-помещичьей власти. Характерно при этом, что принимая меры к успокоению крестьянства, Ростопчин не особенно обольщался относительно их действительности: месяц с лишним спустя после награждения крестьян он умолял Александра I не производить в Московской губернии назначенный рекрутский набор, указывая, что это «может иметь плохие последствия; умы неспокойны, народ в несчастье, внутри страны нет войск, настроение безнадежности и отчаяния»⁵¹.

В марте 1813 г. после получения известия о решении царя награждать подмосковных партизан, материалы об их подвигах, переданные тем же Ростопчиным, были «во исполнение высочайшей воли» помещены в «Северной почте» — официальной газете Министерства внутренних дел⁵², а затем со ссылкой на «Северную почту» перепечатаны в «Московских ведомостях»⁵³. В них излагались те же факты, что и в публикации «Русского вестника», но имелся ряд расхождений в написании фамилий и географических названий. Охранительно-консервативный тон этих материалов четче всего проявился в ретроградном заключении: «Благочестивый и верный народ! не смотри на чужеземную ложь, что ты не просвещен, не свободен. Сравни свое состояние и нравственность свою с их состоянием и нравственностью. Твое просвещение — вера, а их — злочество; твоя свобода — законы, а их — беззаконие. Взгляни на погибель врагов твоих и познай, на чьей стороне бог!».

Публикации «Русского вестника», «Северной почты» и «Московских ведомостей» до сих пор остаются основным источником фактических сведений о боевых делах партизан Московской губернии⁵⁴.

Значительный интерес представляет выяснение поименного состава награжденных знаком отличия Военного ордена и медалью. Такой список никогда не публиковался, первоисточником его является архивный экземпляр с подписью Балашова. Однако этот список составлен был весьма небрежно (не у всех награжденных указаны имена, все фамилии помещиков, которым принадлежат крестьяне, даны без инициалов, отдельные слова написаны неразборчиво или с ошибками); кроме того, построен он так, что когда речь идет о крепостных, то они в соответствии с пормами того времени называются после своих помещиков («Графа Орлова села Семеновского бурмистру Акиму Дементьеву» и т. д.), наконец, в нем ничего не говорится о заслугах каждого из партизан. В связи с этим приводимый ниже список дан в несколько иной форме, при этом вся информация, содержащаяся в архивном экземпляре, сохранена полностью, но указаны основные разночтения в написании собственных имен, выявленные по печатным изданиям, в которых эти имена упоминаются, произведены, где это оказалось возможным, дополнения, касающиеся имен, отчества и инициалов и кратко показаны боевые дела награжденных.

НАГРАЖДЕННЫЕ ЗНАКОМ ОТЛИЧИЯ ВОЕННОГО ОРДЕНА

Богородский уезд

1. Курин Горасим Матвеевич — крестьянин села Павлово (другое название — село Вохна) Вохонской экономической волости, организатор и руководитель одного из крупнейших крестьянских партизанских отрядов численностью до 5300 пеших и 500 конных бойцов⁵⁵.
2. Стулов Егор Семенович — волостной голова Вохонской экономической волости, прославившийся соратник Курина⁵⁵.
3. Чушкин Иван Яковлевич — сотский в Вохонской экономической волости, ближайший помощник Курина и Стулова⁵⁵.
4. Васильев Емельян — волостной голова Америкской волости, организатор и руководитель отряда крестьянских партизан, уничтожившего и взявшего в плен до 300 солдат и офицеров наполеоновской армии⁵⁶.

Бронницкий уезд

5—7. Тихонов Семен — староста села Константинова; Васильев Егор — староста деревни Савачева; Петров Яков — староста села Ночинки. Предводители двухтысячного отряда конных и пеших крестьян ряда сел и деревень Бронницкого уезда. Особенно отличились при нападении на неприятельский отряд численностью до 700 человек, двигавшийся от Бронниц к г. Подольску, который сложил оружие.

Волоколамский уезд

8. Анкудинов Гаврила — управитель подмосковного имения сенатора А. В. Алябьева в селе Никольском, руководитель крестьянских партизан Волоколамского уезда. Вооруженные крестьяне под руководством Анкудинова отбили все попытки французов захватить Волоколамский уезд, уничтожив при этом более 600 неприятельских солдат и офицеров⁵⁷.

9—11. Борисов Борис — волостной голова Серединской экономической волости; Федоров Михаил — волостный писарь той же волости; Ермолаев Иван — волостной староста в деревне Бурцево. Помощники Анкудинова.

Звенигородский уезд

12. Андреев Иван — волостной голова Вельяминовской экономической волости, один из руководителей крестьян и горожан, защищавших г. Воскресенск (ныне г. Истра), которые «неоднократно прогоняли подступавшие к Воскресенску со стороны Звенигорода в Рузы неприятельские партии».

13. Иванов Павел — сотский села Лучинского помещика П. И. Голохвастова, также один из руководителей защиты г. Воскресенска.

14. Овчинников Николай — звенигородский мещанин.

15—16. Пентюхов⁵⁸ (имя неизвестно) — воскресенский купец; Горяднов Иван⁵⁹ — звенигородский мещанин. Оба «много раз бывали в сражениях и поощряли других к истреблению и прогнанию неприятеля».

Серпуховский уезд

17—19. Дементьев Аким — бурмистр села Семеновского графа В. Г. Орлова; Ильин Иван — приказчик в селе Хатунь графини А. А. Орловой-Чесменской; Савельев Никифор — бурмистр в сельце Горки графа Г. Ф. Орлова. Эти три партизана, «по слухам, что неприятель идет по Каширской дороге, собрали ведомства своего крестьян и, вооружа их пиками, вилами, топорами и домовыми графа Орлова ружьями, ожидали смело в деревне Папушкиной неприятеля, который, узнав о том и находясь в небольших силах, принужден был пройти мимо».

Верейский уезд

20—23. Федоров Пикита, Миронов Гаврила — старосты Вышегородской вотчины графини Е. А. Головкиной; Кирпичников Алексей, Усков Николай — дворовые писари той же помещицы.

В конце августа и начале сентября успешно руководили отражением многократных нападений французских отрядов. В октябре, когда французы отступали от Москвы, Кирпичников и Усков, собрав до 500 крестьян, вступили в борьбу с неприятельским отрядом численностью до 300 человек и не дали ему переправиться через реку Протву.

НАГРАЖДЕННЫЕ МЕДАЛЮ «ЗА ЛЮБОВЬ К ОТЕЧЕСТВУ»

Бронницкий уезд

1. Прохоров Павел — крестьянин сельца Гапусова, который «...чтобы более приводить в робость французов... нарядился в казачью одежду. Однажды, усмотрев пять французов, немедленно погнался за ними и, грозя по-казачьи нагайкой, говорил: «Кричите шардон!»... пятеро французов бросили оружие»⁶⁰.

2—9. Андреев Михаил, Кириллов Василий, Иванов Иван — крестьяне деревни Дурнихи; Тимофеев Сидор, Кондратьев Яков, Афанасьев Владимир — крестьяне села Михайловская Слобода; Леонтьев Василий — староста села Яганово, Дмитриев Федул — крестьянин того же села. «Сел Михайловской Слободы и Яганово, деревень: Дурнихи, Чулковой, Кулаковой и Какузовой крестьяне каждодневно до 2 тыс. человек собирались к Боровскому перевозу Москвы-реки на гору, имея строжайшее наблюдение за переправой неприятельских отрядов. Часть из них для вящего устрашения врагов одевалась в казацкое платье и вооружалась пиками. Они многократно поражали и прогоняли неприятеля».

10. Иванов Егор — крестьянин деревни Хримань. При охране деревни, будучи вооружен только топором, вступил в борьбу с пришедшими для грабежа двумя французскими солдатами и в схватке зарубил обоих мародеров.

Волоколамский уезд

11—17. Иванов Дмитрий, Феопемптов⁶¹ Федор, Михайлов Николай — дворовые люди сенатора А. В. Алябьева; Борисов Василий Борисович — крестьянин, сын волостного головы Серединской экономической волости Бориса Борисова, награжденного знаком отличия Военного ордена; Михайлов Филипп — крестьянин деревни Бурцево; Козьмин Козьма, Семенов Герасим — крестьяне деревни Подсухиной. В «Северной почте» и «Русском вестнике» эти

крестьяне названы вместе с награжденными знаками отличия Военного ордена Б. Борисовым, И. Ермолаевым и М. Федоровым как помощники руководителя волоколамских партизан Г. Анкудинова.

Звенигородский уезд

18—24. Абрамов⁶² Алексей — дворовый человек князя Голицына⁶³, Дмитриев Алексей, Игнатьев Прохор — дворовые люди владельца сельца Сватово помещика Е. Калопина; Сергеев Федор — дворовый человек владельца села Караулово с деревнями помещика И. Ярославова; Яковлев Егор — вотчинный староста села Ильинского графа А. И. Остермана; Иванов Устин — вотчинный староста сельца Ивашкова помещика Ф. А. Ардалинова, Алексеев Егор — крестьянин сельца Ивашкова. В «Северной почте» и «Русском вестнике» эти крестьяне названы в одном ряду с другими активными защитниками г. Воскресенска, награжденными знаком отличия Военного ордена.

Верейский уезд

25. Щеглов Афанасий — дворовый писарь Вышегородской вотчины графини Е. А. Головкиной. В «Северной почте» и «Русском вестнике» назван в одном ряду с награжденными знаком отличия Военного ордена Н. Федоровым, Г. Мироновым, А. Кирпичниковым и Н. Усковым как один из руководителей отражения многократных нападений французов на Вышегородскую волость.

26—27. Колупанов⁶⁴ Петр Петрович — крестьянин Ильинской слободы Рейгарской экономической волости Можайского уезда; Минаев Емельян — крестьянин деревни Лобаповой графини Е. А. Головкиной. При отражении крестьянами в октябре попытки французского отряда численностью до 300 человек переправиться через реку Протву «бывшие на мельнице работниками... крестьянин Петр Петров Колупанов и ...крестьянин Емельян Минаев, невзирая на многократные по ним ружейные выстрелы, срывали лапы на плотине и, разбирая доски, спускали воду, чем и удержали неприятельскую партию...».

При внимательном рассмотрении списка награжденных становится ясным, что он ни в какой мере не отражал действительного размаха народной войны в Подмоскovie. Это видно прежде всего из того, что от ряда уездов Московской губернии, в которых пылало пламя крестьянского партизанского движения, в списке не оказалось ни одного человека. Ростовчин прекрасно знал о боевых действиях партизан в этих уездах, но не позаботился собрать информацию об именах и подвигах отличившихся. В публикациях «Северной почты» и «Русского вестника», организованных самим

Ростовчиным, отмечалась высокая активность партизан Рузского уезда, где «крестьяне, вооружаясь и заведя в каждом селении для сбора колокола, поспешно собирались при появлении неприятельских отрядов до нескольких тысяч человек и с таким единодушием и мужеством нападали на неприятельские партии, что из оных истреблено ими более тысячи человек, не считая взятых при их помощи казаками в плен. Минувшего же октября 11-го числа, собравшись до 1500 человек, помогли они казакам и совсем выгнать неприятеля из Рузы»⁶⁵, однако никто из этого уезда представлен к награждению не был. Не были представлены к награждению и партизаны чрезвычайно разоренного войной Можайского уезда, а также Подольского и Московского уездов. Не вызывает сомнения и то, что, хотя все попавшие в список действительно были героями народной войны, они составляли лишь незначительную часть отличившихся в боях крестьян. От Богородского уезда, например, где один только отряд Г. Курина насчитывал почти 6 тыс. человек, а помимо него действовали и другие отряды, и где крестьянам велась настоящие сражения с оккупантами, в список попали только четыре человека, отнесенные к числу «начальствующих», от Серпуховского уезда представлены были только три человека «начальствующих» и т. д.

Нельзя не обратить внимания на еще одну особенность списка. Деление в нем на «начальствующих», получивших знак отличия Военного ордена, и «прочих», удостоенных медали «За любовь к отечеству» с точки зрения боевых заслуг награжденных было произведено в ряде случаев совершенно произвольно, поскольку заслуги эти, как явствует из публикаций «Северной почты» и «Русского вестника», у тех и других были зачастую одинаковыми. Однако указанное деление не было случайным: знак отличия Военного ордена, за исключением Г. Курина, который пользовался, как видно, слишком уж громкой славой, и к тому же как экономический крестьянин не являлся крепостным, получили волостные головы, сотские, старосты и другие представители низшего звена феодально-крепостнической администрации, рассматривавшиеся как наиболее благонадежный элемент крестьянства, а также купец и двое мещан. Медалью же «За любовь к отечеству» были награждены преимущественно «рядовые» крестьяне (из 27 награжденных 16 — крестьяне-хлебопашцы и 8 — дворовые люди).

Подведем некоторые итоги. Носившаяся на Владимирской ленте медаль «За любовь к отечеству» была первой по времени наградой, появившейся в связи с событиями Отечественной войны 1812 г.⁶⁶ Ею было награждено лишь 27 человек, фактически же ее получили 25 награжденных, чем и объясняется ее чрезвычайная редкость. Вместе с тем награждение ею и знаком отличия Военного ордена одновременно 50 подмосковных партизан стало самым крупным из всех известных награждений крестьянских партизан

Отечественной войны 1812 г. Создание медали и награждение ею группы крестьян власти пытались использовать в целях укрепления самодержавно-крепостнического строя. Медаль является примечательным нумизматическим памятником Отечественной войны 1812 г., порожденным ее народным характером и представляющим собой редкостную боевую награду, которую удалось получить от государственного аппарата небольшой группе вневоинских народных партизан, олицетворяющей всю огромную массу русского крестьянства, чья любовь к отечеству сыграла столь важную роль в исходе войны.

В заключение попытаемся выяснить, каким образом могло получиться, что в течение столь длительного времени действительное назначение этой медали не было определено.

Как известно, разгром наполеоновской империи сопровождался торжеством реакции, наступление которой во многом определял страх перед пробудившимся самосознанием народов. В России реакционность внутренней политики выразилась, в частности, не только в неспособности правительства решить крестьянский вопрос, но и в усилении крепостнического гнета. В этой обстановке заслуги народных героев войны 1812 г. очень быстро были преданы забвению. А. И. Михайловский-Данилевский даже в официальном описании войны вынужден был констатировать: «Имена храбрецов несколько лет после войны повторялись с глубоким уважением в тех волостях, где ратовали войны-поселяне, а теперь они забыты, не дойдут до потомства...»⁶⁷ Это забвение коснулось и случая награждения подмосковных партизан. Насколько оно было быстрым, свидетельствуют воспоминания и дневниковые записи самого Михайловского-Данилевского. В 1818 г. он сопровождал императора в его поездке по России и во время пребывания в Москве по его докладу царю были представлены Г. М. Куриц, Е. С. Стулов и И. Я. Чущкин. Для Александра I прием крестьянских партизан был, конечно, не более чем обременительной обязанностью. «Достоин примечания, — записал Михайловский-Данилевский, — что государь не любит вспоминать об Отечественной войне и говорить об ней...»⁶⁸ Но интересна его запись о самом приеме: «Государю представлялись в Москве также Владимирской губернии Покровского уезда Вохненской волости крестьяне Куриц, Стулов и Чущкин; в 1812 году они ополчились против неприятелей и с ними удачно сражались. Почтенные войны-поселяне украшены были знаком отличия Военного ордена князем Кутузовым и приходили ко мне благодарить за то, что я доложил об них государю»⁶⁹. Выходит, что он сам, непосредственный участник войны, живо интересующийся ее историей, довольно смутно представлял себе, где действовали Куриц, Стулов и Чущкин и при каких обстоятельствах они были награждены. Позже Михайловский-Данилевский пытался собрать сведения о действиях крестьян,

яв, вел, в частности, переписку с Г. Куриным, однако работа эта завершена не была и ни к каким реальным результатам не привела. В дальнейшем, как известно, ни дворянской, ни буржуазной историографией конкретные вопросы участия в Отечественной войне народных масс почти не разрабатывались. В год празднования 100-летнего юбилея войны один из военных историков с горечью писал: «Замечательная особенность Отечественной войны 1812 года — народная война и действия народных партизан-добровольцев — почти совсем не исследована ни общою, ни военною историей и, как ни обидно, по надо сознаться, что мы гораздо больше знаем о действиях испанских гвирильсов... нежели о действиях и подвигах своих родных народных партизан-добровольцев в течение Отечественной войны 1812 года»⁷⁰.

Не приходится поэтому удивляться, что факт награждения группы крестьян медалью «За любовь к отечеству» историкам остался неизвестным. Одной из частных причин этого явилось, безусловно, и то, что в печати времен Отечественной войны название медали промелькнуло только один раз — в публикации «Северной почты» (перепечатанной затем «Московскими ведомостями»), а имена награжденных ею вообще никогда названы не были, хотя подвиги их, как отмечалось выше, не раз описывались. Это привело к тому, что награжденных медалью стали со временем путать с награжденными знаком отличия Военного ордена. Так, на одной из ступеней храма Христа Спасителя в Москве, по данным, представленным Военно-ученым комитетом, в числе награжденных знаком отличия Военного ордена оказались фамилии 25 человек, в действительности награжденных медалью «За любовь к отечеству»⁷¹. Подобные ошибки попали и в литературу⁷².

Существование подлинных и новодельных экземпляров медали должно было бы, казалось, стимулировать разыскания специалистов по нумизматике с целью выяснения ее подлинной истории, но этого не произошло по той причине, что с самого начала предназначению этой награды была дана ложная трактовка, ставшая затем традиционной. В возникновении и распространении ошибки решающую роль сыграло, по-видимому, следующее обстоятельство. При составлении Археографической комиссией каталога русских медалей их описание поручено было Я. Я. Рейхелю. Авторитет этого крупнейшего нумизмата был чрезвычайно высок вообще, а поскольку в 1812 г. он работал медальером Петербургского Монетного двора, его суждения о нумизматических памятниках Отечественной войны воспринимались как бесспорные. На дело, однако, даже и у него представления о рассматриваемой медали оказались весьма туманными, о чем свидетельствует грубая ошибка, допущенная им при ее описании: хотя на таблице медаль была изображена правильно, в текст попал описания лицевой стороны медали для земского войска 1807 г.⁷³ Главное же состояло

в том, что Рейхель, скорее всего с чьей-то неудачной подсказки, указал в каталоге, будто медаль «За любовь к отечеству» «равдавалась бывшим в ополчении 1812 года». Между тем каталог Археологической комиссии стал со временем первоисточником для других авторов, а, попав в целый ряд изданий, тезис о награждении медалью ополченцев стал общепризнанным. Так, видимо, объясняется эта ошибка.

Вместе с тем следует признать, что причиной живучести подобных ошибок в настоящее время является, с одной стороны, недостаточное внимание историков войны 1812 г. к изучению ее нумизматических памятников, а с другой — слабая разработка этой темы специалистами-нумизматами. Устранение этого недостатка применительно к широкому кругу нумизматического материала, связанного с 1812 г., является, на наш взгляд, задачей, заслуживающей внимания.

- ¹ Собрание русских медалей, изданное по высоч. повелению Археологической комиссией. СПб., 1840—1846, вып. 1—5, с. 70, № 294.
- ² Струков [Д. П.] Исторический очерк о регалиях и знаках отличия русской армии. СПб., 1902, т. 3, с. 114.
- ³ Смирнов В. П. Описание русских медалей. СПб., 1908, с. 200, № 368, примечание.
- ⁴ Ашик В. А. Памятники и медали в память боевых подвигов русской армии в войнах 1812, 1813, и 1814 годов и в память императора Александра I. СПб., 1913, с. 151. К правильному описанию медали «За любовь к отечеству» на этой странице ошибочно помещено изображение медали «За веру и отечество. Земскому войску» 1807 г.
- ⁵ Холодковский И. М., Годлевский Н. П. Нумизматические памятники Отечественной войны. СПб., 1912, с. 47.
- ⁶ Ризтер В. Г. Русская военная медалистика. — В кн.: Ризтер В. Г. Собрание трудов по русской военной медалистике и истории. Париж, 1972, с. 89, 91. Первая публикация в парижском журнале «Военная быль» в 1954—1955 гг. (№ 9—14).
- ⁷ Военная быль, 1969, май, № 97, с. 45 (редакция по клику R. Worlich'a).
- ⁸ Луппол А. Н. Нумизматические памятники Отечественной войны в собрании Государственного исторического музея. — В кн.: 1812 год: К столетию пятидесятилетия Отечественной войны. Сб. статей. М., 1962, с. 297—298.
- ⁹ Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года: Сб. документов. М., 1962, с. 49, 203, 277.
- ¹⁰ В выпущенном к 100-летию войны пособии по истории Петербургского ополчения изображены медали было помещено на отдельной странице с подписью: «Медаль 1812 г. для «Земского войска»» («Материалы для истории дворянства С.-Петербургской губернии». СПб., 1912, т. II, вып. 1 — «Ополчение 1812 года», с. 238), однако в тексте работы, содержащем огромное количество данных о награжденных участниках ополчения, о ней даже не упоминалось.
- ¹¹ Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. 2-е изд. СПб., 1902, т. 18, с. 78—81.
- ¹² А. Н. Луппол в названной статье указал на наличие в ГИМ пяти экземпляров медали, однако по уточненным данным, сообщенным автору статьи старшим научным сотрудником отдела нумизматики А. С. Мельниковой, подлинниками являются лишь четыре; один из

них передан в Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник и еще один — в Музей истории и реконструкции Москвы.

- ¹³ По сведениям, сообщенным старшим научным сотрудником отдела нумизматики Е. С. Шукшиной, в Государственном Эрмитаже имеются три медали, но две из них отчеканены без улика, а следовательно, являются либо пробными отливками, либо, что более вероятно, новоделами, т. е. экземплярами, изготовленными на Монашеском дворе подлинными штемпелями в более позднее время по заказам коллекционеров.
- ¹⁴ М. И. Кутузов: Сб. документов. М., 1955, т. IV, ч. 2, с. 70, 341, 648—649; Листовки Отечественной войны 1812 года: Сб. документов. М., 1962, с. 48, 53, 73, 116.
- ¹⁵ В связи с этим в листовке, изданной походной типографией Главной квартиры 8 октября 1812 г., указывалось: «Много есть подвыгов знаменитых, учиненных почтенными нашими поселянами; но они не могут на первый случай быть обнародованы, ибо неизвестны еще имена храбрых; приняты меры, чтобы узвать об них и предать отечеству для должного почтения» (Листовки Отечественной войны 1812 года, с. 53).
- ¹⁶ М. И. Кутузов, т. IV, ч. 2, с. 202.
- ¹⁷ Тартаковский А. Г. Военная публицистика 1812 года. М., 1967, гл. 2 — В пылу народной войны; Листовки Отечественной войны 1812 года, с. 51.
- ¹⁸ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной е. в. в. канцелярии / Под редакцией Н. Дубровина. СПб., 1889, вып. 2, с. 418—420.
- ¹⁹ Цит. по изданию: Краткие записки адмирала А. Шишкова... 2-е изд. СПб., 1832, с. 56—61.
- ²⁰ Русский вестник, 1813, № 1, с. 106—111; № 2, с. 12—23; № 3, с. 26—35. Во всех трех номерах почтительно изъяснялась благодарность «почетнейшему московскому начальству», т. е. Ф. В. Ростопчину, за то, что оно «удостоило сообщить сии статьи».
- ²¹ Наградной серебряный крест для илжских чinov. Учрежден в 1807 г. Стоиной первоначально не имел. Орденом не являлся, но числился при ордене св. Георгия, формой креста номинал этот орден и носился на Георгиевской ленте. В связи с этим, а также из-за тяжеловесности официального названия он сразу же получил несколько неофициальных наименований, которые часто употреблялись в переписке, а иногда и в печати: Георгиевский крест, солдатский Георгий, Георгий 5-й степени, знак св. Георгия и др. В 1856 г. были установлены четыре степени. В 1913 г. официально назван Георгиевским крестом.
- ²² Северная почта, 1812, № 93; Журналы Комитета министров. Царствование имп. Александра I. 1810—1812 г. г. СПб., 1891, т. II, с. 612.
- ²³ Хотя нами обнаружен только список представленных к награждению, а текст самого представления не найден, авторство Ф. В. Ростопчина не вызывает сомнений, поскольку в речи перед награжденными, переданной в печать, он заявил: «О делах ваших и представил отцу нашему государю императору...» Его авторство подтверждается и тем, что к награждению представлено были партизаны только Московской губернии, но из разных ее уездов. Сделать такое представление могло лишь лицо, чья власть ограничена пределами этой губернии, но распространяется на всю ее территорию. Об авторстве Ростопчина свидетельствует также факт передачи им материалов о подвигах представленных к награждению партизан в «Русский вестник», а также некоторые фразеологические совпадения в публикации «Русского вестника» с текстом отношения генерал-адъютанта А. Д. Валашова министру финансов Д. А. Гурьеву, в котором излагалось решение Александра I по сделанному представлению.

- ²⁴ Дубровин Н. Отечественная война в письмах современников (1812—1815 гг.). СПб., 1882, с. 304.
- ²⁵ Записки Сергея Пяколавича Главки. СПб., 1895, с. 255.
- ²⁶ Московское дворянство в 1812 году. М., 1912, с. 478—479.
- ²⁷ Дубровин Н. Указ. соч., с. 440.
- ²⁸ Сочинения Ростовчина. СПб., 1853, с. 193—194.
- ²⁹ Русский архив, 1881, кн. 3, с. 222.
- ³⁰ Русский архив, 1901, кн. 2, с. 482.
- ³¹ Там же, с. 483.
- ³² Там же.
- ³³ Дубровин Н. Указ. соч., с. 463. Описание Ростовчина были преимущественным, по в данном случае важны именно они как побудительные мотивы его действий.
- ³⁴ Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1883, т. VIII, с. 79.
- ³⁵ Мельгунов С. П. Правительство и общество после войны. — В кн.: Отечественная война и русское общество. М., 1912, т. VII, с. 159—160.
- ³⁶ Русский архив, 1863, изд. 2-е, стлб. 815.
- ³⁷ ЦГИАЛ, ф. 37 (Горный департамент), оп. 17, д. 475, л. 1—1 об.
- ³⁸ Там же, л. 2—3.
- ³⁹ Из дальнейшей переписки видно, что Дерябин предлагал использовать штемпель медали для земского войска 1807 г. работы К. Леберехта.
- ⁴⁰ ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 17, д. 475, л. 4—5.
- ⁴¹ Там же, л. 6—6 об.
- ⁴² Там же, ф. 37, оп. 17, д. 475, л. 7—8; ф. 570 (Монетный двор), оп. 13, д. 34, л. 45—46. Но касаясь здесь деталей, представляющих специальный нумизматический интерес, отметим лишь, что штемпель для обеих сторон медали были сделаны новые, по общей композиции медали для земского войска 1807 г. работы Леберехта при этом сохранили.
- ⁴³ Там же, ф. 37, оп. 17, д. 475, л. 9. Знаки отличия Военного ордена после смерти награжденных отсылались в Канцелярию, а оттуда на Монетный двор, при этом возвращались и безномерные знаки, выданные в количестве около 9 тысяч штук в 1807—1809 гг. На Монетном дворе в целях экономии часто набивали на таких знаках помера, а затем отправляли их вместе с новыми в Канцелярию для дальнейших награждений. Так продолжалось до февраля 1813 г., когда А. А. Аракчеев прислал Гурьеву письмо, в котором сообщил о неудовольствии императора, заметившего, что среди присланных знаков есть экземпляры со столь поистине изображением, что они «похожи на переделанных из старых». В императорской квартире решили, что причина этого — износ штемпелей, и Гурьеву предписано было обеспечить «отделку упомянутых знаков в лучшем виде, чистоте и ясности литер» (там же, д. 440, л. 28). После этого строгого внушения старые знаки стали пускать в переделку. Однако для награждения крестьян их не только сочли возможным использовать, но и признали нужным ставить на них помера. Там же, д. 475, л. 10—10 об. Через два с лишним месяца, 30 июня, Гурьевым было получено новое отпущенное Балашова, в котором он сообщал, что император приказал дополнительно отослать Ростовчину «георгиевский серебряный крест для старосты г-д Гомохнастовых Павла Иванова» (там же, л. 16). Это приказание было вынесено 17 июля (там же, л. 19). Но Павел Иванов ранее уже был в списке награждаемых, второе представление его к награде было ошибочным.
- ⁴⁵ Дубровин Н. Указ. соч., с. 491.
- ⁴⁶ Московские ведомости, 1813, № 44.
- ⁴⁷ Мельгунов С. П. Ростовчин — московский главнокомандующий. — В кн.: Отечественная война и русское общество. М., 1912, т. IV, с. 36.
- ⁴⁸ ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 17, д. 475, л. 21.
- ⁴⁹ Там же, л. 22.
- ⁵⁰ Русский вестник, 1813, № 8, с. 78—80; Русский вестник, 1813, № 22.
- ⁵¹ Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г., с. 105.
- ⁵² Северная почта, 1813, № 19—22. На получение материалов от Ро-

столчина указано в конце публикации.

- ⁵³ Московские ведомости, 1813, № 22—25.
- ⁵⁴ Публикация «Русского вестника» вскоре была использована при издании двух сборников: Полное собрание анекдотов достопамятнейшей войны россиян с французами. М., 1814, ч. 1—4; Анекдоты достопамятнейшей войны россиян с французами. СПб., 1813—1814, ч. 1—3, которые со временем тоже приобрели характер исторических источников.
- ⁵⁵ Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года, с. 113—117; Бескровный Л. Г. Партизаны в Отечественной войне 1812 г. — Вопросы истории, 1972, № 2, с. 84—85.
- ⁵⁶ Северная почта, 1813, № 19. В дальнейшем взятые из публикации «Северной почты» фактические данные о подвигах награжденных, включая прямое цитирование, даются без ссылок, другие источники оговариваются.
- ⁵⁷ Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собраны и изданы П. И. Щукиным. М., 1889, ч. IV, с. 350, 352.
- ⁵⁸ В «Северной почте» показан как Пентюхов, в списке за подписью Балашова (далее — в Списке) и в «Русском вестнике» — Пентюхов.
- ⁵⁹ В Списке назван Николаем, очевидно, ошибочно, так как в «Северной почте» и «Русском вестнике» показан как Иван.
- ⁶⁰ Русский вестник, 1813, № 2, с. 16—17. Имя П. Прохорова получило широкую известность, так как в начале 1813 г. был выпущен лубочный листок, изображающий эпизод пленения им пятерых французов. Объявления о продаже листка с подробным объяснением его содержания помещались в газетах, в частности в «Московских ведомостях» (1813, № 25, 26). Позже листок этот неоднократно описывался и воспроизводился в работах, посвященных русским карикатурам 1812 г.
- ⁶¹ В «Северной почте» показан как Феопемитов, в Списке — Феопемитов, в «Русском вестнике» — Феопемитов, в «Полном собрании анекдотов...» — Феропемитов.
- ⁶² В Списке и «Северной почте» показан как Абрамов, в «Русском вестнике» и обоих сборниках «анекдотов» — как Абрисимов.
- ⁶³ В 1812 г. в Звенигородском уезде землями и крестьянами владели семь князей Голицыных. Скорее всего, речь идет о Ф. Н. Голицыне, которому принадлежали села Петровское, Знаменское, Денисово и ряд деревень.
- ⁶⁴ В Списке и «Северной почте» показан как Колопанов, в «Русском вестнике» и обоих сборниках «анекдотов» — Колопанов.
- ⁶⁵ Северная почта, 1813, № 21.
- ⁶⁶ 3 февраля 1813 г. Александр I подписал преказ, объявляющий об учреждении серебряной медали в память Отечественной войны, однако создание этой награды затянулось, статус ее был определен лишь в декабре 1813 г. Медаль раздавалась «строевым чином в армиях и ополчениях», т. е. крестьянским партизанам не полагалась. Другие награды, связанные с Отечественной войной, — бронзовые медали для дворянства и кулевства и крест для духовенства — были учреждены в августе 1814 г.
- ⁶⁷ Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны 1812 года. СПб., 1839, ч. III, с. 423—424.
- ⁶⁸ Русский вестник, 1890, т. 210, № 10, с. 159.
- ⁶⁹ Там же, с. 162.
- ⁷⁰ Тысяча восемьсот двадцатый год: Двухнедельный иллюстрированный журнал. М., 1912, № 11/12, с. 415—416.
- ⁷¹ Московский М. Историческое описание храма во имя Христа Спасителя в Москве. М., 1883, приложение, с. VIII—IX.
- ⁷² Так, в указателе имен во 2-й части IV тома сборника документов «М. И. Кутузов» (составитель Р. Е. Альтшуллер) относительно 22 человек, награжденных медалью «За любовь к отечеству», указано, что они награждены знаком отличия Военного ордена.

Аналогичные ошибки есть и в указателе имен (составитель А. М. Конев) к обоим изданиям книги П. А. Жилина «Гибель наполеоновской армии в России».

⁷³ Такая же ошибка допущена была Рейхелем и при издании описания собственной коллекции (Die Reichelsche Münzsammlung in St. Petersburg, 1842, Erster Teil, с. 257, № 3243). Возникла она, скорее всего, не случайно. В собрании Государственного Эрмитажа есть два серебряных новодела, аверсные стороны которых отчеканены штампом 1807 г. Такие новоделы встречаются и в бронзе.

Как видно, Рейхель при описании медали имел в своем распоряжении именно такой новодел, а Н. Минцев, гравировавший таблицы, — подлинник или новодел с правильным изображением на обеих сторонах. Это свидетельствует о том, что и на Монетном дворе представлении о медали «За любовь к отечеству» очень быстро настолько спутались, что часть новоделов была отчеканена несоответствующими штампами (очевидно, из-за неясных воспоминаний о первоначальном замысле Дерябина использовать штамп 1807 г.).